

ДВА РЕАЛИСТА. О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ УСТАНОВОК
ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА ДОСТОЕВСКОГО И БЕЛИНСКОГО

Василий Щукин

/г. Краков/

До сих пор исследователи, изучавшие отношение позднего Достоевского к личности и комплексу идей Белинского, обращали внимание лишь на полемический аспект, нашедший выражение в трагической фигуре Ивана Карамазова, а также в образе Великого инквизитора, "голос" которого монологически "выпрямляет" наиболее темные стороны Ивановой логики¹. На наш взгляд, эти ценные и верные наблюдения не исчерпывают всего многообразия данной темы. Белинский, чью беспрестанно меняющуюся жизненную и идейную позицию нельзя свести к "атеизму", "либерализму" или "социализму" /в том смысле, который вкладывал в эти понятия Достоевский/, отчасти явился идейным и этическим прототипом таких героев, как Алексей Карамазов и даже старец Зосима.

Доказательству выдвинутого тезиса посвящается настоящая статья.

I

Обратимся к тексту "Братьев Карамазовых".

Знакомя читателей с главным героем задуманной дилогии, Достоевский изо всех сил стремится подчеркнуть то обстоятельство, что Алексей, несмотря на свою чистоту, целомудрие, "идеальность" -- что в обыденном сознании может быть определено как "странность" и "чуждость", на самом деле "человек отнюдь не великий", а самый обыкновенный. В пользу "поскопости" Алексея /что резко отличает его от идеального при-

шельца издалека -- князя Мышкина/ говорят такие его черты, как общительность, бесстрашие, такие факты, что "никто и никогда не считал его ни простячком, ни наивным человеком"². Он был "ровен и ясен", то есть находился в состоянии гармонии с окружающим его миром. Решение уйти в монастырь явилось у него не вследствие мистики или религиозного фанатизма /это обстоятельство Достоевский подчеркивает дважды и каждый раз с особой настойчивостью³/, а так как он был "ранним человеколюбцем" и искал "идеал исхода из мрака мирской злобы к свету любви" /X, 17/, тем самым бросая вызов господству эгоизма, но никак не земному миру и не человеческому обществу. Несмотря на беззаветную веру Алеши в существование списительных сверхъестественных сил, в возможность чуда, он в гораздо большей степени, чем его предшественники /Соня Мармеладова, князь Мышкин, Шатов и Макар Долгорукий/, связан со светлыми и темными сторонами реального человеческого существования, с радостями и печалью мира сего. Как показали исследования В.Е. Ветловской, Достоевский при создании образа младшего Карамазова использовал не столько житие Алексея, человека Божьего /этого святого писатель в конце жизни считал идеалом русского народа⁴/, сколько духовный стих о нем, в котором отразилось обмирщенное, стихийно-реалистическое восприятие народом житийного текста⁵. Заметим также, что автор "Братьев Карамазовых" сознательно создает вокруг Алеши предметно-образную среду, элементы которой: согретая солнцем земля, зеленые листья, звездное небо, сдобные булочки, луковка /в легенде, рассказанной Грушенькой/, наивные дети, животные /собака Жучка, гусь, зайчик/, румяные щеки -- символизируют радость земного бытия. Решительно отбрасывая ортодоксально-христианскую идею и несовместимости мирского и небесного⁶, Достоевский заставляет проповедовать любовь к детям, животным и веселью самого стар-

ца Зосиму /XIV, 267--268, 289--291/⁷, которого монахи после смерти попрекают тем, что он "к посту был не строг, сладости себе разрешал, варенье вишневое ел с чаем", "конфеток прельщался, барыни ему в карманах привозили, чаем сладобился, чреву жертвовал, сладостями его наполняя, а ум помышлением надменным" /XIV, 301, 303/. Его друг и учитель, Названный в романе таинственным посетителем, произносит знаменательную формулу этой антимистической и антиаскетической философии жизни /разумеется, несводимой к прославлению вишневого варенья и прочих материальных мирских благ/: "Жизнь есть рай" /XIV, 275/. Каждый герой романа, в котором сохранилась хотя бы малая доля непосредственного ощущения бытия, в той или иной мере поддается очарованию этой истины. Дмитрий провозглашает: "Слава Высшему на свете, слава Высшему во мне!..." /XIV, 96/ -- и, без сомнения, знает цену радости земного существования. Мизантром и "атеист" Иван произносит проникновенный монолог о "клейких листочках". Даже капитан Снегирев, судьба которого сложилась столь печальным образом, ни на минуту не сомневался в том, что "мир Божий" основан на добре и красоте.

"Жизнь есть рай", -- такова формула философии реализма, заключавшая в себе, правда, некоторую гиперболизацию, мышление "в превосходной степени", как это обычно бывает у Достоевского. Эту философию теоретически развивают "таинственный незнакомец" и Зосима; у Алексея она выступает в качестве главной установки практического разума /если воспользоваться определением Канта/ -- то есть жизненной позиции, заложенной в нем априорно и руководящей его поведением на протяжении всей жизни. Достоевский прямо называет своего героя реалистом и, стремясь предупредить превратные представления о нем, объясняет свою мысль подробно. Он пишет:

"Может быть, кто из читателей подумает, что мой молодой

человек был болезненная, экстазная, бедно развитая натура, бледный мечтатель, чахлый и испитой человечек. Напротив, Алеша был в то время статный, краснощекий, со светлым взором, пышущий здоровьем девятнадцатилетний подросток. /.../ Скажут, может быть, что красные щеки не мешают ни фанатизму, ни мистицизму; а мне так кажется, что Алеша был даже больше, чем кто-нибудь, реалистом. О, конечно, в монастыре он совершенно веровал в чудеса, но по-моему, чудеса реалиста никогда не смутят. Не чудеса склоняют реалиста к вере. Истинный реалист, если он не верующий, всегда найдет в себе силу и способность не поверить и чуду, а если чудо станет пред ним неотразимым фактом, то он скорее не поверит своим чувствам, чем допустит факт. Если же и допустит его, то допустит как факт естественный, но доселе лишь бывший ему неизвестным. В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры. Если реалист раз поверит, то он именно по реализму своему должен непременно допустить и чудо. Апостол Фома объявил, что не поверит, прежде чем не увидит, а когда увидел, сказал: "Господь мой и Бог мой!" Чудо ли заставило его уверовать? Вероятнее всего, что нет, а уверовал он лишь единственно потому, что желал уверовать и, может быть, уже уверовал вполне, в тайнике существа своего, даже еще тогда, когда произносил: "Не поверю, пока не увижу" /XIV, 24--25. Подчеркнуто мною. -- В.Щ./

II

Что же роднит "неистового Виссариона", желавшего одно время ради счастья "малейшей части человечества" истребить остальную его часть, с "тихим мальчиком" Алешей Карамазовым, монастырским послушником?

Их роднит реализм, как бы самой природой данное реалистическое отношение к жизни.

"Маратовская любовь" Белинского к человечеству, его знаменитый бунт против гегелевского *Allgemeinheit* -- это такие же "моменты" его необыкновенно богатой духовной биографии, как фихтеанский "абстрактный героизм" или "примирение с гнусной действительностью". Совершенно иначе обстоит дело с реалистическим мироотношением, которое было изначально присуще Белинскому. Стихийным реалистом он был еще в Чембаре: будни российской провинции, косная полупатриархальная среда мелкого чиновничества и духовенства, среди которой он рос, а также вольтерьянская атмосфера в доме немало не благоприятствовали "отлету мечты" от действительности"⁸. Романтизм кружка Станкевича был для него откровением -- но вскоре обнаружилось, что гармония, которая должна была воцариться в его душе благодаря общению с философией, является непрочной, не выдерживает натиска "свинцовых мерзостей жизни". "Едва родится во мне сознание силы, едва почувствую я теплоту веры, как квартира, авошная лавочка, сертуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчас убивают силу и веру..."⁹, -- писал Белинский 16 августа 1837 года М.А. Бакунину, который незадолго до того в теории призывал отречься от "пошлых гривенников" во имя света высшей истины, а на практике следил за тем, чтобы отношения его сестры Александры и не привыкшего к "благородному обществу" "Висяши" не зашли слишком далеко. К тому же Белинский жил литературой -- Пушкиным, Гоголем; он чувствовал, что художественные открытия этих писателей были связаны с реалистическим отношением к жизни. Философия Гегеля также была воспринята им как теоретическое обоснование реалистическогоприятия мира таким, каков он есть, а поскольку Белинский, подобно Достоевскому, практическим выводам из философии придавал большее значение, чем чисто теоретическому объяснению мира, то он ухватился за мысль о разумности всего действительного как за нечто, что призвано было его лично практи-

чески избавить от мучительного разлада с миром. "Примирение с действительностью", проповедовавшееся с юношеской и романтической еще горячностью, было доведено почти до абсурда; последовало новое отрезвление, бунт против "бесчеловечности" Абсолюта, реабилитация Шиллера и Жорж Санд, увлечение утопическим социализмом, приход к материализму. От гегелевского этапа "одиссеи духа" сохранилось, однако, по крайней мере, два важных качества Белинского как мыслителя: это диалектический метод познания мира и устойчивое признание реальной действительности единственной сферой, достойной того, чтобы жить в ней, несмотря на всю ее "мерзость", но нуждающейся в обстоятельном /"дельном", как любил говорить Белинский/ изучении и сознательном преобразовании¹⁰.

Переписка Белинского, на которую исследователи ныне обращают все большее внимание в связи с изучением Достоевского, заключает в себе, наряду с перепиской Н.В. Станкевича, живую историю духовного становления реалиста, которая сохранилась в памяти последующих поколений интеллигенции во многом благодаря русской психологической прозе, в том числе -- прозе Достоевского¹¹. Известно, что писатель проявил большой интерес к публикации писем Белинского, которую осуществил А.Н. Пыпин в журнале "Вестник Европы" в 1874--1875 году. Среди опубликованных были письма к Бакунину, в которых критик горячо протестовал против романтического и в то же время аристократического презрения к "пошлой" действительности, к "гривенникам". Таким образом, в поле зрения Достоевского оказался не только бунт против гегелевского Абсолюта, что было пересмыслено и претворено в образах Ивана, Черта и Великого инквизитора, но и страстная "жажда действительности", которую испытывал сам писатель и которой он наделил Алексея Карамазова.

В отличие от князя Мышкина Алеша преодолевает романти-

ческое отпадение от мира не на уровне сентиментального /характеризующегося невинностью, наивностью, пассивной жалостью к людям/, а на уровне реалистического сознания, которому свойственны трезвая оценка действительности и человеческая, действенная /а не ортодоксальная, отрешенная от мира сего/ любовь к людям¹². Он с поистине "виссарионовской" неистовостью /что, впрочем, указывает на схожесть темпераментов Белинского и Достоевского, о психическом максимализме, страстности которых написаны целые тома/ идет к обычным грешным людям и стремится раздать им легкое в сердце добро. К этому призывает и Зосима, напоминая слова Христа о пшеничном зерне, которое падает на землю и умирает, но "многъ плодъ сотвори"¹³. Не так ли сжигал себя Белинский, совершавший титаническую работу во вред здоровью, вечно нуждавшийся, оставивший за собой шеститысячный долг? Не так же ли бескорыстно, как Алексей Карамазов, помогал он тысячам отдельных, конкретных людей в "медвежьих углах" обрести человеческое достоинство и найти свое место в мире? Не была ли каждая минута жизни Белинского, подобно жизни старца Зосимы и Алексея, наполнена внутренней работой над собой? Не призывал ли критик, предвосхищая поучения старца, приняться за выполнение черной, порою неблагодарной работы, результаты которой человек не увидит при жизни? Конечно, Белинский имел вполне конкретную научно-публицистическую и просветительскую работу в журнале или на университетской кафедре, а Зосима и стоявший за ним Достоевский не слишком доверяли тогдашней науке и предпочитали проникновенную -- но все-таки остро полемическую, публицистическую -- беседу с учеником или с читателем. И все же Достоевский не мог не понимать, что самоотверженный труд Белинского был в полной мере "работой на родной ниве".

Достоевский помнил Белинского таким, каким он был в 1845 году -- страстным "ниспровержителем основ", еще не разочаровавшимся в утопическом социализме и в парижской черни 1793 го-

да. Он не был свидетелем тех значительных изменений, которые произошли в Белинском после возвращения из-за границы осенью 1847 года, не читал последних его писем /они были опубликованы после смерти писателя/, не участвовал в спорах о буржуазии, в ходе которых реалистическая оценка действительности еще раз одержала верх над утопическим стремлением критика к скорейшему установлению идеального общественного строя, что породило теоретические расхождения между ним и Герценом¹⁴. Поэтому образ самого Белинского в "Братьях Карамазовых" является двойственным. С одной стороны, устами Черта Достоевский говорит, что в Иване "есть эта романтическая струйка, осмеянная еще Белинским" /XV, 81/ -- и здесь Белинский союзник Алеши и Зосимы -- оппонентов Ивана. С другой стороны, в речах Коли Красоткина имя Белинского ставится в один ряд с дарвинистами, социалистами, вульгарными материалистами, чего нельзя назвать в полной мере справедливым по отношению к критику.

Важно, однако, не субъективное мнение Достоевского о Белинском, которое, впрочем, неоднократно менялось. Важно то, что реальный Белинский -- как человек и как мыслитель, создавший целый кодекс реалистического мироотношения и поведения -- объективно нашел свое отражение в образе Алексея Карамазова, быть может, помимо сознательной воли самого Достоевского. Покажем это на одном любопытном примере.

Многие идеи поучений старца Зосимы, которыми руководствуется Алексей в своей жизни "в миру", совпадают с идеями статьи "Русское решение вопроса", помещенной во второй главе февральского выпуска "Дневника писателя" за 1877 год. Речь идет о "социальном вопросе", то есть об устройстве справедливого общества, что составляло одну из самых важных тем как в кружке Белинского, так и на "пятницах" М.В. Петрашевского. Автор "Дневника писателя" противопоставляет классовой борьбе и пролетарской революции иной, "русский" путь к социальной гармонии. Он призывает всех представителей интеллигенции, ко-

торые чувствуют угрызения совести при виде социального неравенства, заботиться о "просвещении души" бедняка, о его образовании. Провозглашаемая Достоевским "деятельная любовь" к народу требует не "эпощения", а самовоспитания /"самоодоления"/ и искреннего желания познать реальную жизнь своего края. Призывая работать над собой и для других, писатель спорит с теми русскими оппозиционными деятелями, которые утверждали, что политический произвол в России "связывает руки" всякому полезному начинанию и что в стране царей и рабов нет места честному работнику. Можно предположить, что здесь, в частности, имеется в виду Герцен, который неоднократно высказывал подобные мысли. На память приходит известное место из романа "Кто виноват?" -- спор Бельтова с доктором Круповым о правомерности протеста против существующего порядка вещей. Крупов, сила которого заключалась именно в "такте действительности", в трезвом отношении к фактам, настаивал на том, что только праздному барину, человеку обеспеченному может прийти в голову мысль, что на его родине нечего делать честному труженику. Герцен понимал, что действительность развивается "по Крупову", и не скрывал, что с житейской точки зрения доктор прав. Однако от этого симпатии автора романа с еще большей силой склонялись к Бельтову, представлявшему собой любимый герценовский тип доблестного аристократа, смело разрушавшего "обывательскую" мораль и чаявшего "дыхание нового века". Поэтому романтик Бельтов был опозитизирован Герценом /что вызвало неодобрение Белинского в статье "Взгляд на русскую литературу 1847 года"/, а романтизм этого героя был представлен как то, что должно быть высшей истиной по сравнению с "узкой" обыденной правдой Крупова.

Как справедливо заметила Т.И. Усакина, слова Крупова в несколько упрощенной и заостренной форме выражают позицию разочинца и реалиста Белинского, настаивавшего в письмах к мос-

ковским друзьям на необходимости работать для той России, какая есть, и доказывавшего, что такой труд вполне возможен. Вторая часть "Кто виноват?" заключала в себе открытую полемику дворянского революционера Герцена с радикально-демократическим просветителем Белинским, выступавшим против всех проявлений "прекраснодушия", романтизма и донкихотства¹⁵. Мысли Достоевского, спустя тридцать лет вернувшегося к вопросу о возможности честной деятельности в реальных русских условиях, почти полностью совпадают с точкой зрения Белинского.

Заметим также, что Белинский, как и Достоевский, был далек от отождествления реализма с натурализмом или позитивизмом. Представление о возвышенном, хотя и не отрешенным от мира сего, идеале было, без сомнения, присуще Белинскому. Более того, несмотря на все свое увлечение натуральной школой, критик не верил "эстетическому смыслу тех, которые с некоторою инорическою улыбкою посматривают на Мадонну Рафаэля, говоря: это идеалы, то, чего нет в натуре! И с умилением смотрят на картины Теньера, говоря: вот натура, вот действительность!"¹⁶

Таким образом, сходство реалистического отношения к миру и реалистической нравственной и эстетической программы Достоевского и Белинского не подлежит сомнению, а Алексей Карамазов оказывается художественным образом человека с реалистической установкой практического разума.

III

Однако о полном идейном тождестве двух великих русских реалистов -- Белинского и Достоевского -- говорить нельзя.

Вернемся к приведенному в начале статьи фрагменту "Братьев Карамазовых". В нем говорится о двух типах реалистов -- верующем и неверующем. Первый "именно по реализму своему должен допустить и чудо", то есть реальное существование "миров

иных" и связь с ними "парадоксальных" проблесков доброты, противных "железной логике" мира сего. Второй "всегда найдет в себе силу и способность не поверить и чуду" или Объяснит его "как факт естественный". Подобное разделение на верующих и неверующих реалистов можно заметить также в вышеупомянутой статье "Русское решение вопроса". Достоевский прямо говорит, что неверие в высшие силы не является помехой в деле совершенствования в духе "смиренной любви" и "работы на родной ниве". Писатель как бы предлагает атеистам /хотя в данном случае он не употребил бы данного слова, осмысляемого им как синоним понятий "анархист", "скиталец", "бунтовщик", "эвклидовский разум"/ заключить молчаливый союз с верующими на основе деятельно-реалистического отношения к миру.

Кого имел в виду Достоевский, говоря о неверующих реалистах? На наш взгляд, таким человеком, в понимании писателя, прежде всего был Белинский. Не случайно поведение реалиста, который отвергает существование чуда даже тогда, когда оно является фактом, или объясняет этот факт естественным образом /в вышеупомянутом фрагменте из "Братьев Карамазовых"/ удивительно похоже на поведение Белинского, доказывавшего не-божественность, человечность и даже "обыкновенность" Христа, что было описано Достоевским в статье "Старые люди", открывавшей "Дневник писателя" за 1873 год. Достоевский согласился в 1845 году с аргументацией Белинского, "страстно принял все учение его" /XXI, 12/ -- и все-таки практический разум настойчиво требовал признать божественность Христа как недосягаемого, абсолютного в своем совершенстве нравственного идеала. Достоевский хотел "остаться с Христом, а не с истиной", хотел быть реалистом, но непременно верующим. Именно этим его реализм в корне отличался от реализма Белинского.

Где искать причину этого отличия?

Подробный ответ на этот вопрос нуждается в самостоятель-

ном исследовании и выходит далеко за пределы настоящей статьи. Попытаемся, однако, наметить некоторые ориентиры, которые пока можно считать лишь догадками, требующими серьезной проверки.

Различие реалистических установок практического разума Белинского и Достоевского можно объяснить конкретно-историческими условиями, в которых протекало их духовное и интеллектуальное становление. Детство и юность Белинского прошли в глубокой провинции, до которой очередные веяния культуры доходили на целые десятилетия позже, чем до Москвы, где провел свои юные годы Достоевский. Упрощенное просветительство XVIII века -- знаменитое русское вольтерьянство, известное своим атеизмом и стихийно-материалистическим мироотношением -- отличало отца будущего критика и было для последнего первой школой духовной культуры. В то же время по своей материнской родне он слишком хорошо знал, насколько тупо и невежественно провинциальное низшее духовенство. Грубый меркантилизм, пьянство в соединении с религиозной практикой, сводимой обычно к соблюдению постов и исполнению обрядов, не могли не породить у Белинского по крайней мере иронического отношения к православной церкви¹⁷. Иное воспитание получил Достоевский. А.С. Долинин отмечает, что господствующим стилем во взаимоотношениях родителей Достоевского был сентиментализм¹⁸. Сентиментальная культура, которая "опустилась" в среднеинтеллигентскую среду российских столиц к 1820-м годам, уже не заключала в себе рационалистического житейского реализма русских вольтерьянцев. Религиозное воспитание Достоевского было тесно связано с сентиментальным отношением к жизни, главной носительницей которого была мать писателя. По всей видимости, она /подобно матери Алеши и матери Зосимы в "Братьях Карамазовых"/ не только привила своему сыну любовь к поэзии

Евангелия, но и научила его ценить сердце выше, чем разум, к чему призывал и Н.М. Карамзин, книги которого Достоевский знал с самых ранних лет. Таким образом, если Белинский сызмала видел спасение человечества /как и свое собственное спасение/ в просвещении и приближении отдаленных окраин к мировым центрам культуры¹⁹, то Достоевский унаследовал от сентиментализма некоторое недоверие к разуму и привычку полагаться на безупречность спонтанного чувства и "наивной" веры.

Другое обстоятельство, которое следует иметь в виду, сравнивая характер реализма Достоевского и Белинского -- это то, что они принадлежат к разным поколениям русской интеллигенции. Белинский родился в 1811 году, на 10 лет раньше Достоевского. Его судьба сложилась так, что он стал членом кружка Станкевича, был одним из "идеалистов тридцатых годов", получил -- в этом не может быть никакого сомнения -- недюжинное философское образование, несмотря на незнание немецкого языка, благодаря самому участию в беседах Станкевича, Бакунина, Боткина и других гегельянцев. Овладение диалектикой в соединении с никогда не покидавшей Белинского верой в неограниченные возможности человеческого разума придало впоследствии его реализму тот сугубо посксторонний, рационалистический характер, который не мог полностью удовлетворить Достоевского. Последний принадлежал к поколению, которое выросло и вступило во взрослую жизнь при Николае I; это было поколение петрашевцев, которых Герцен, ровесник Белинского, не без основания считал людьми духовно искалеченными, с болезненным самолюбием²⁰. Не случайно, расставшись с кружком Белинского, Достоевский нашел свое место среди петрашевцев, которые в 1840-х годах все еще находились под воздействием романтической культуры не в философско-идеалистической, а в социально-утопической разновидности. Утопия оказалась во многом откровением для Достоевского, который был подготовлен к ее восторженному вос-

приятию как домашним воспитанием, так и последующим увлечением романтической литературой. Он постоянно соотносил непосредственно накопленный им опыт и создаваемые образные системы с "вечным социальным, этическим, эстетическим идеалом -- вечным не в смысле застывшей неизменности, а в смысле безусловной истинности"²¹. Такой идеал писатель видел в фигуре Христа, который осмыслялся им как некий культурный символ, организующий духовную жизнь людей. Будучи утопистом, Достоевский не мог себе представить структуры мира, лишенной верхней точки, скрепления, узла, который связывает невидимые нити мировой гармонии, не позволяя ей распасться и тем самым охраняя от невзгод "слабые сердца", к числу которых принадлежал и Достоевский. Немногие, подобно Белинскому, были настолько сильны духом, чтобы обойтись без этой верхней точки и мужественно, как подобает реалистам, смириться с тем, что они не бессмертны.

Реализм Достоевского носил утопический характер и как все, что генетически было связано с романтической культурой, заключал в себе элементы антипросветительской реакции. Что же касается Белинского, рационалистическое, просветительское начало в его реализме неизменно одерживало верх над утопическими тенденциями, которые по мере удаления от романтической поры 1830-х годов постоянно ослабевали.

Подобно многим мыслящим людям Белинский и Достоевский пережили на тридцатилетнем рубеже своей жизни /соответственно в 1841 и 1851 году/ серьезный мировоззренческий кризис и последовавший за ним переворот. Белинский умер в 1848 году, не успев разочароваться в гегелевском историсофическом оптимизме, согласно которому достижение высших ступеней эволюции человечества обеспечивается самим ходом его развития. Достоевский разделил судьбу значительной части русской интеллигенции, которая после революции 1848 года усомнилась в

неизбежности наступления светлого будущего сначала на более развитом Западе, а затем в России и склонилась к консервативно-утопическому решению вопроса о ее судьбах, ранее предлагавшемуся славянофилами. "Отчаянное усилие Достоевского заставить себя верить в Бога, -- пишет А. Валицки, -- было результатом его веры -- а может быть, попытки верить -- в Россию, в патриархальный русский народ как единственную надежду сохранить ее"²². Трудно не согласиться с этими словами.

Примечания

1. См., напр.: A. Rammelmeyer. Dostojevskijs Begegnung mit Belinskij /Zur Deutung der Gedankenwelt Ivan Karamazovs/, Teil II, Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. XXI, Heft II. Heidelberg, 1952, S. 280--287;
А. Дуккон. К вопросу о некоторых проблемах оценки расхождений между Достоевским и Белинским. Acta Universitatis de Attila József nominata, Dissertationes Slavicae, XV. Szeged, 1982, с. 78--80.
2. Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград, 1972--1986 /издание продолжается/, т. XIV, с. 18. В дальнейшем все ссылки на произведения Достоевского даются по этому изданию с указанием тома /римской цифрой/ и страницы /арабской цифрой/ в тексте. Ссылки на письма Достоевского оговариваются особо.
3. В черновых набросках к "Братьям Карамазовым" на этот счет имеется красноречивая запись: "Мистик ли? Никогда! Фанатик? Отнюдь!" /XV, 200/.
4. Готовясь выступить в "Дневнике писателя" за 1881 год против рационалиста К.Д. Кавелина, в прошлом близкого приятеля и единомышленника Белинского в рамках западничества 1840-х годов, Достоевский внес в записную тетрадь следующую запись: "Я скажу: Алексей человек Божий -- идеал народа, а вы сейчас скажете: а кулак" /XXVII, 55/.
5. См. В.Е. Ветловская. Литературные и фольклорные источники "Братьев Карамазовых" /Житие Алексея человека Божия и духовный стих о нем/, в кн.: Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство. Сборник статей. Москва, 1971, с. 345--352.
6. См. там же, с. 345.

7. Подобного рода "житейскую философию" исповедует Макар Долгорукий в "Подростке". См. об этом: А.С. Долинин. В творческой лаборатории Достоевского /История создания романа "Подросток"/. Ленинград, 1947, с. 92--93, 164.
8. Факты, способствовавшие формированию стихийно-реалистического мироотношения у Белинского, подробно освещены в кн.: В.С. Нечаева. В.Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811--1830. Москва, 1949, с. 86--95.
9. В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI. Москва, 1956, с. 178. Подчеркнуто Белинским. -- В.Щ.
10. Нельзя согласиться с исследователями, которые считают, что в 1840--1841 году Белинский полностью разочаровывается в Гегеле. Так например, принцип триады применялся им в анализе исторического или историко-литературного процесса до конца жизни. В данном случае был совершенно прав Г.В. Плеханов, указавший, что лишь с усвоением философии Гегеля нежелание Белинского "поворачиваться спиной к действительности" превратилось в методологически осознанную позицию /Г.В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII. Москва-Ленинград, 1926, с. 213/.
11. Л. Гинзбург. О психологической прозе, изд. 2-е. Ленинград, 1971, с. 65--133, 431--432.
12. К.И. Тьюнкин. Романтическая культура и ее отражение в творчестве Достоевского, в кн.: Романтизм в славянских литературах. Москва, 1973, с. 305--306.
13. Евангелие от Иоанна, гл. 12, ст. 24. Слова эти украшают могилу Достоевского на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге /Ленинграде/.
14. О спорах 1847--1848 годов о буржуазии см.: П.В. Анненков. Литературные воспоминания. Москва, 1960, с. 309--311;

- A. Walicki. W kregu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego slowianofilstwa. Warszawa, 1964, s. 347--359; В.С. Нечаева. В.Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842--1848. Москва, 1967, с. 374--383, 398--406. Нам наиболее близка точка зрения А. Валицкого, который утверждает, что "политическая программа Белинского не только никогда не выходила за пределы буржуазно-демократических требований, но даже /в отличие от взглядов Герцена/ не принимала социалистической формы /W kregu konserwatywnej utopii, s. 349--350/. Белинский был реалистом и видел, что переносить на русскую почву французский социализм еще рано" /там же, с. 351/.
15. Т.И. Усакина. История, философия, литература /Середина XIX века/. Саратов, 1968, с. 139--156.
 16. В.Г. Белинский. Указ. соч., т. X, с. 248. Цитата взята из статьи "Ответ "Москвитяину", написанной в ноябре 1847 года.
 17. В этом плане чрезвычайно характерным является письмо Белинского к А.П. и Е.П. Ивановым, в котором содержится рассказ о пьяном священнике-попрошайке /там же, т. XI, с. 27/.
 18. См. примечания А.С. Долинина в кн.: Ф.М. Достоевский. Письма, т. I. Москва, 1928, с. 464. Ср. также: К.И. Тюнькин. Указ. соч., с. 280--284.
 19. Не случайно провинциал Белинский всю жизнь стремился к культурным центрам все более высокого ранга: сначала к Москве, затем к Петербургу и наконец к Парижу.
 20. А.И. Герцен. Былое и думы, части 1--5. Москва, 1969, с. 816.
 21. К.И. Тюнькин. Указ. соч., с. 292.
 22. A. Walicki. Dostojewski a idea wolności, s. 426.